

П. Е. ФОКИН

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»
ЗА 1876—1877 гг.

(Историко-литературный аспект)

Название «Дневник писателя» имеют четыре произведения Достоевского: серия публицистических статей 1873 г., опубликованная в одноименной рубрике еженедельной общественно-литературной газеты «Гражданин»; ежемесячное издание 1876—1877 гг.; Пушкинская речь, отпечатанная отдельным выпуском «Дневника писателя» в августе 1880 г.; и один выпуск ежемесячного издания, запланированного, по свидетельству А. Г. Достоевской,¹ на 1881—1882 гг. Между «Дневником» 1873 г. и 1876—1877 гг. Достоевский написал и издал роман «Подросток»; между «Дневником» 1876—1877 гг. и 1881 г. — первую часть «Братьев Карамазовых»; вторая часть романа должна была быть написана после «Дневника» 1881—1882 гг. Иными словами, четыре текста, известные под названием «Дневник писателя», разделены между собой не только временем, но и характером писательской деятельности Достоевского. Не вдаваясь в подробности, отметим, что роман «Подросток» и роман «Братья Карамазовы» менее всего (и по проблематике, и по художественному строю) походят друг на друга, при том, что определенная лейтмотивность творчества Достоевского отмечена многими исследователями как характерологическая черта искусства великого русского писателя. Таким образом, работа над «Дневником писателя» проходила в условиях интенсивного *развития* художественного таланта Достоевского, являясь составной частью этого *процесса*.

Первый вопрос, возникающий в данной связи: почему Достоевский так настойчиво сохранял название «Дневник писателя»? Традиционный литературоведческий подход подсказывает мысль о художественном и идеологическом единстве всех частей «Дневника». И доля истины в этом ответе есть. Нельзя не согласиться с мнением Е. И. Кийко, автора комментария к «Дневнику писателя» 1873 г. в т. 21 Полного собрания сочинений Достоевского в 30 т.: «Испробовав в 1873 г. в „Гражданине“ новый не только для него самого, но и для всей мировой литературы жанр „Дневника писателя“, Достоевский в 1876 г. вернулся к нему, издавая с этого времени „Дневник“ в виде самостоятельного, независимого журнала» (21, 372). В этом утверждении нас не устраивает лишь категоричность термина «жанр», мы предпочли бы более гибкое определение: «литературная форма», например.

¹ Достоевская А. Г. Воспоминания М., 1987. С. 391.

Не стоит, однако, упускать из вида и другой, возможно, даже более существенный фактор — экономический. Как известно, любое периодическое издание — это, помимо всего, еще и производство, требующее определенных затрат и рассчитанное на их возмещение, а в идеальном случае — и на получение прибыли. По неоднократным высказываниям Достоевского в письмах из Эмса в 1875 и 1876 гг., на средства, полученные от издания «Дневника писателя», возлагались большие надежды, с его успехом, в определенной мере, связывал писатель и будущность своих детей. Так, 7 (19) июня 1875 г. он делится своими тревогами с женой: «Нам будет предстоять, кажется, очень тяжелая осень в Петербурге, друг ты мой, Аня. Во-первых, твое состояние, тут же моя работа, деньги и решение на будущий год, — то есть что я стану делать, чем *промышлять*, издавать ли „Дневник“ или не удастся? Обо всем этом думаю беспрерывно, и уже всю голову изломал на этом. Дети мне даже снятся ночью. Надобно для них работать, нельзя их без ничего оставить, — а как это сделать? Задача» (29₂, 40. Курсив мой. — П. Ф.). О тех же тревогах пишет и А. Г. Достоевская в «Воспоминаниях», объясняя, почему, по ее мнению, «Дневник писателя» не состоялся как самостоятельное издание в 1873 г.: «...издавать „Дневник писателя“, в виде ежемесячного журнала, было затруднительно. На издание журнала и на содержание семьи (не говоря уже об уплате долгов) требовались средства довольно значительные, а для нас составляло загадку — велик ли будет успех журнала, так как он представлял собою нечто небывалое доселе в русской литературе и по форме и по содержанию. А в случае неуспеха „Дневника“ мы были бы поставлены в безвыходное положение».² Одноименная же рубрика в «Гражданине» в 1873 г. имела определенный успех у читателей. Достоевский гордился тем, что за год его работы в «Гражданине» в качестве главного редактора тираж еженедельника по подписке вырос в три раза (с 1000 до 3000), и не без основания мог связывать этот факт с интересом читателей к собственной авторской рубрике. Как человек, искушенный в делах журнального бизнеса, Достоевский не мог не учитывать этого обстоятельства, размышляя над проектом 1876—1877 гг. Сохранение известного и популярного названия гарантировало успех подписке, по крайней мере за счет части подписчиков «Гражданина», любивших «Дневник писателя» еще в 1873 г.

Тем более экономический фактор необходимо учитывать, говоря об издании под обложкой «Дневника писателя» Пушкинской речи в 1880 г. и решении возобновить в 1881 г. ежемесячное периодическое издание, так как «Дневник писателя» 1876—1877 гг. пользовался спросом в книжных лавках и активно раскупался не только в годы своего написания, но и в последующих 1878—1880 гг.³

Коммерческий успех издания 1876—1877 гг. диктовал, конечно, не только необходимость сохранения в будущем названия, но и основных элементов поэтики: принципов организации повествования, форм про-

² Там же. С. 265.

³ *Страхов Н. Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 505.

явления авторской позиции, стиля. Отчасти должна была сохраняться и идеологическая направленность, но в этом пункте у Достоевского было больше свободы, так как еще в самом начале «Дневника писателя» за 1876 г. он заявил и неоднократно напоминал об этом в течение последующих лет, что он занимает совершенно самостоятельную позицию и пишет «для себя», в соответствии со своими убеждениями и пониманием происходящих событий. Впрочем, все эти соображения относятся к неосуществленному проекту 1881—1882 гг.

Вышеприведенные обстоятельства заставляют задуматься над вопросом о соотношении четырех текстов Достоевского, вышедших под названием «Дневник писателя», так как, с одной стороны, очевидна неизбежность их преемственности, а с другой — не вызывает сомнения и факт *относительной* случайности в выборе для них одного и того же названия (по крайней мере для произведений 1873 и 1876—1877 гг.); трудно поверить в то, что, если бы «Дневник» 1873 г. не удался, Достоевский сохранил бы это имя в 1876—1877 гг.

В науке о Достоевском установилась точка зрения об эволюционном характере этих отношений, притом история замысла ведется от намерений писателя издавать в середине 60-х гг. «Записную книгу» — нечто вроде «моножурнала». Прообраз «Дневника писателя» видят, и вполне обоснованно, в предложении Лизы Тушиной Шатову в романе «Бесы» об издании «одной полезной, по ее мнению, книги» (10, 103). Далее нить протягивается к «Гражданину» 1873 г., в котором впервые появляется название «Дневник писателя». «Дневник» 1873 г. расценивается как своеобразная «проба пера», после которой Достоевскому становится ясен дальнейший путь в осуществлении своего давнишнего замысла. И «Дневник писателя» 1876—1877, 1880, 1881 гг. — это уже прямо «триумфальное шествие» жанра. Схема понятна и удобна для использования, но, к сожалению, не объясняет некоторых сомнений и противоречий.

Начнем с замысла «Записной книги», о котором нам известно из писем к А. Е. Врангелю от 8 (20) ноября 1865 г. и С. А. Ивановой от 29 сентября (11 октября) 1876 г. В обоих случаях при достаточно размытых и самых общих сведениях, сообщаемых Достоевским («В голове у меня есть одно периодическое издание, не журнал. И полезное и выгодное. Может быть осуществлено в будущем году» — 28₂, 141; «...хочу издавать, возвратясь, нечто вроде газеты» — 28₂, 224), речь идет о самостоятельном, единоличном издании Достоевского. О самостоятельной, не зависимой ни от кого, кроме автора-редактора, книге говорит и Лиза. В то же время в 1873 г. «Дневник писателя» появляется совсем не в самостоятельном виде, а как рубрика, пусть даже и авторская, в составе издания, имеющего свое определенное направление и своего патрона, с волей и желаниями которого писатель не мог не считаться. Утверждение, что «Дневник писателя» 1873 г. был «своего рода „журнал в журнале“, автономный по отношению к остальному наполнению еженедельника» (21, 359), не вполне соответствует действительности.

Так, глава XI «Дневника» 1873 г. «Мечты и грезы» начинается отсылкой к материалам «Гражданина», не входящим в состав данной

рубрики и не принадлежащим перу Достоевского: «Мы в прошлом № „Гражданина“ опять заговорили о пьянстве» и т. д. (21, 91). В данном случае местоимение «мы» имеет вполне конкретное наполнение и включает в себя, очевидно, редакционный совет издания (кстати, все повествование «Дневника» ведется от первого лица единственного числа, и потому «мы» в данном случае никак не является «фигурой речи»). Заметим, что глава XI опубликована в № 21 «Гражданина», а предшествующая ей X — в № 18. Достоевский же имеет в виду статью «Что может спасти Россию от повального пьянства?», напечатанную в № 20 «Гражданина». Для «Дневника писателя» 1873 г. такая связь материалов возможна.

Глава XII «По поводу новой драмы», с одной стороны, продолжает тему о пьянстве, начатую в главе XI, но одновременно является предисловием к трем последним актам пьесы Д. Д. Кишенского «Пить до дна — не видать добра» и по всему является частью общей идеологической кампании газеты («По поводу новой драмы» — с. 705—706; «Пить до дна — не видать добра» — с. 707—716). И по своему месту в номере, и по содержанию глава XII «Дневника писателя» 1873 г. — это именно предисловие. О какой автономии тут можно говорить?

Не отделяют себя от «Дневника писателя» и статьи, не входящие в рубрику. В статье без подписи «Пожар в селе Измайлове», напечатанной в № 24 «Гражданина», есть прямая отсылка к тексту главы XI «Дневника писателя»: «Мы как-то недавно рисовали фантастическую картину возможного и близкого будущего, когда все будет пропито и заложено, все инструменты, — не только пожарные, но топоры, сохи, бороны» и т. д. (21, 142—143). Любопытно, что эта заметка без подписи напрочь лишена анонимности благодаря нескрываемой связи с «Дневником писателя», которая прослеживается и в стиле, и в характере материала, и в его комментарии. Однако же она не включена в состав «Дневника писателя», как и примыкающие к ней статьи «Стена на стену», «История о. Нила». Между тем в № 24 «Гражданина» нет «Дневника писателя» вовсе (т. е. нет ситуации, когда бы объем написанного материала превышал объем рубрики, из-за чего его пришлось бы разносить по разным отделам издания), а глава XII «По поводу новой драмы», как уже говорилось, лишь отчасти, косвенным образом продолжает тему главы XI. К этим трем статьям в № 24 «Гражданина» мы еще вернемся, а пока хотелось бы еще раз подчеркнуть, что положение об автономности «Дневника писателя» в составе «Гражданина» 1873 г. не выдерживает строгой проверки фактами. «Дневник писателя» здесь — это органическая часть целого, авторская рубрика в составе еженедельника.

Теперь обратимся к словам Лизы Тушиной, в которых действительно впервые подробно объясняется замысел издания, близкого по типу к «Дневнику писателя» 1876—1877 гг.: «Можно (...) ограничиться лишь выбором происшествий, более или менее выражающих нравственную личную жизнь народа, личность русского народа в данный момент. Конечно, все может войти: курьезы, пожары, пожертвования, всякие добрые и дурные дела, всякие слова и речи, пожалуй, даже известия о разливах рек, пожалуй, даже и некоторые указы правительства, но изо

всего выбирать только то, что рисует эпоху: все войдет с известным взглядом, с указанием, с намерением, с мыслию, освещающей все целое, всю совокупность» (10, 104). Что же вошло из перечисленного Лизой в «Дневник писателя» 1873 г.? Практически очень мало. На фоне этого высказывания особенно обращает на себя внимание исключение из состава «Дневника» рассказа о пожаре в селе Измайлове («пожары»), который тем не менее откомментирован вполне в духе Лизы — как «происшествие, более или менее выражающее нравственную личную жизнь народа», истории о. Нила («куръез»), отчета о заседании Общества любителей духовного просвещения («всякие слова и речи»; «Гражданин» № 14, за подписью Ф. Д. и заметка «От редакции „Гражданина“» в № 18). К теме Лизиной книги — «личность русского народа в данный момент» — прямо относятся лишь некоторые главы «Дневника»: «Среда», «Мечты и грезы», «Влас», «Маленькие картинки». Все остальные главы касаются этого вопроса лишь косвенно, их главным предметом является духовная жизнь русского интеллигентного, просвещенного общества, и в частности события литературной и художественной жизни:

- глава II «Старые люди» — воспоминания о В. Г. Белинском;
- глава IV «Нечто личное» — автокомментарий к повести «Крокодил» и воспоминания о Н. Г. Чернышевском;
- глава VI «Бобок» — фантастический рассказ;
- глава VII «Смятенный вид» — статья по поводу святочного рассказа Н. С. Лескова «Запечатленный ангел»;
- глава VIII «Полписьма „одного лица“» — сатирический монолог о характере современной журналистской полемики;
- глава IX «По поводу выставки» — рассказ о выставке художников-передвижников, о впечатлениях, произведенных картинами;
- глава X «Ряженный» — полемика с Н. С. Лесковым;
- глава XII «По поводу новой драмы» — разбор пьесы Д. Д. Кишенского «Пить до дна — не видать добра»;
- глава XIV «Учителю» — ответ фельетонисту из «Голоса»;
- глава XV «Нечто о вранье» — фельетон из жизни русского культурного общества.

Обращение к темам культуры и литературы содержится почти во всех главах «Дневника» 1873 г. Это и естественно: Лизиной теме просто нет места на страницах «Гражданина», она может присутствовать на них лишь «контрабандой», в виде примера к рассказу о выставке передвижников или к «словарной статье» о неприличном простонародном слове. Достоевский очень внимателен как к интересам журнала, так и к интересам его читателей: здесь он пишет отнюдь не «для себя». Судя по всему, содержание рубрики «Дневник писателя» по замыслу автора и редактора должно было отвечать характеру профессиональной деятельности ее ведущего. И действительно, «Дневник» 1873 г. — это рассказ не только о текущем с точки зрения писателя (хотя и это есть), но и рассказ писателя о событиях литературной и околосредовой жизни. Если наше предположение верно, то становится понятным, почему рассказ о пожаре в селе Измайлове и история о. Нила не попали в состав «Дневника».

Об определенной случайности состава «Дневника писателя» 1873 г. свидетельствуют и истории создания отдельных его глав, которые, по признанию самого Достоевского, часто писались второпях, к сроку, вместо задуманных ранее, заветных. «Думаю и komponую я статью нервно, до болезни, — сообщает писатель М. П. Погодину в письме от 26 февраля 1873 г., — принимаюсь писать и, о ужас, в четверг замечаю, что не смогу кончить. Между тем отрезать ничего не хочу. И вот бросаю начатое и поскорей, чтоб поспеть (ибо дал слово Мещерскому, что будет статья, и на нее непременно рассчитывают), нередко в четверг ночью схватываюсь за новую какую-нибудь статью и пишу, чтоб поспеть в сутки, ибо в пятницу ночью у нас прием статей кончается» (29₁, 262). Согласимся, что в таких условиях трудно осуществить замысел Лизы Тушиной: «все войдет с известным взглядом, с указанием, с намерением, с мыслью, освещающей все целое, всю совокупность» (10, 104).

Подведем небольшой итог. Все факты говорят об известном несопадении замысла и его воплощения, притом несопадение происходит в самых принципиальных местах. Это позволяет сделать предположение, что «Дневник писателя» 1873 г. *не был реализацией* замысла Достоевского 1860-х гг. И не только в силу обстоятельств, но и изначально ему не отводилась эта роль. Предположение Г. М. Фридендера о том, что «именно желание увидеть наконец осуществленной свою давнюю мечту об издании „Дневника писателя“ было главной причиной, побудившей писателя (...) согласиться на предложение князя В. П. Мещерского и принять на себя редактирование его реформированной с 1873 г. (...) консервативной газеты-журнала „Гражданин“»,⁴ восходит к «Воспоминаниям» А. Г. Достоевской, которая писала: «На страницах „Гражданина“ могла осуществиться и идея „Дневника писателя“, хотя и не в той внешней форме, которая была придана ему впоследствии».⁵ Здесь же Анна Григорьевна говорит и о том, что замысел «Дневника писателя» возник у Достоевского еще за границей.⁶ Замысел, без сомнения, был, но пока еще не «Дневника писателя». Напомним, что «Воспоминания» писались с 1911 по 1916 г., и в них, как в любых воспоминаниях, представлен ретроспективный взгляд на события, и вполне естественно, что мемуаристка называет замысел 1860-х—начала 1870-х гг. по имени осуществленного позднее издания, в то время как в документах, синхронных событиям (письма к А. Е. Врангелю и С. А. Ивановой), упоминания названия «Дневник писателя» нет. Более того, вопрос с названием рубрики решался до последнего момента: в подготовительных материалах фигурирует вариант «Дневник литератора», и не как-нибудь между прочим, а выписан отдельной строкой заглавными, прописными буквами (21, 296).

Что же касается главных причин, побудивших Достоевского взяться за редактирование «Гражданина», то среди них, помимо потребности

⁴ Фридендер Г. М. Новые материалы из рукописного наследия художника и публициста // Литературное наследство. М., 1971. Т. 83. С. 108.

⁵ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 267.

⁶ Там же. С. 266.

Достоевского вновь обратиться к деятельности публициста, фигурирует и еще одна, немаловажная, о которой также пишет А. Г. Достоевская, правда, ставя ее на последнее место, по соображениям весьма понятным: «Ежемесячное получение денег в определенном размере имело тоже свою хорошую сторону: оно позволило Федору Михайловичу не отвлекаться от взятого на себя дела заботами о средствах к существованию, которые так угнетающе действовали на его здоровье и настроение».⁷ Иными словами, финансовая определенность, которой так не хватало всю жизнь писателю.

Достоевский принял «Гражданина» в пору, когда тот переживал не лучшие свои времена. Одной из задач, стоявших перед новым редактором, было поднятие тиража, восстановление авторитета еженедельника. С одной стороны, это было необходимо для коммерческого успеха предприятия, а с другой — для Достоевского это было еще и делом чести. Что мог сделать редактор на первых порах, чтобы сразу же изменить ситуацию к лучшему? Пригласить известных авторов? Но на это нужно время, а до выхода первого номера оставалось всего две недели. По той же причине невозможно было изменить и общий строй газеты, тем более что кроме редактора был еще и издатель, который также претендовал на роль духовного руководителя своего печатного органа. Единственный выход — самому вести какой-то раздел или рубрику, которая бы стала содержательным стержнем издания. В таких условиях возникает «Дневник писателя» 1873 г. — рубрика еженедельного фельетона. Учитывая то, что писательский авторитет Достоевского к этому времени был достаточно весом, такое решение редактора явилось оптимальным.

О том, что «Дневник писателя» выполнял в «Гражданине» функцию ведущей рубрики, т. е. той, которая вела за собой, вытягивала газету из кризиса, свидетельствует периодичность его выпусков. В первом, самом ответственном месяце — это еженедельная рубрика, в феврале—марте она выходит раз в две недели, с апреля по август появление «Дневника писателя» становится ежемесячным, после чего он вообще перестает печататься и вновь «всплывает» только лишь в декабре, в пору, когда начинается очередная подписная кампания. Объяснить эту динамику выхода «Дневника» только субъективными причинами (напряженность ритма работы, загруженность редакторскими обязанностями, усталость, отсутствие тем и т. п.) представляется нам нелепым. Достоевский был профессионалом и умел работать в том режиме, который был необходим, следовательно, постепенное снижение темпов издания «Дневника писателя» связано со снижением его функциональной необходимости. Да так оно и было. Уже к концу февраля ситуация с подпиской резко улучшилась. В цитированном выше письме к Погодину от 26 февраля 1873 г. Достоевский сообщает: «„Гражданин“ пошел недурно, но лишь относительно недурно. Подписчиков 1800, то есть уже более прошлогоднего, а между тем подписка все еще не прекращается и течет в известном порядке. (...) Отдельная же распродажа номеров упятерилась (если не более) против прошлого года» (29₁, 263).

⁷ Там же. С. 267

С сентября по декабрь 1873 г., как уже говорилось, «Дневник» не выходил, но все это время Достоевский выступает с еженедельными обзорами иностранных событий: работа по интенсивности своей очень напряженная, да и требующая особых навыков. По признанию Достоевского, ранее он «никогда в жизни не писал политических статей» (29₁, 284—285). Метранпаж М. А. Александров считал, что эта смена жанров объяснялась необходимостью зарабатывать деньги, но с меньшим напряжением душевных сил. Но тот же Александров сообщает: «Эта срочность работы была крайне тяжела для Федора Михайловича, она изнуряла его и нравственно, и физически».⁸ Комментаторы «Иностраных событий» в Полном собрании сочинений Достоевского в 30 т. вообще избегают разговора о причинах, побудивших Достоевского взяться за ведение этого раздела, объясняя все это лишь достаточно общими и абстрактными размышлениями: «Работа над политическими статьями привлекала Достоевского возможностью относительно свободного обсуждения основных проблем европейской жизни» (21, 478). Если это так, то почему «Иностранные события» подписывались только инициалом «Д.»? Интерес у Достоевского к европейской политике, безусловно, был всегда, но причина перемены журнальной деятельности, очевидно, не в этом интересе (что мешало ему вести эту рубрику с начала года?). В письме к А. Г. Достоевской от 26 июля 1873 г. есть обмолвка по этому поводу: «Я дал слово Мещерскому» (29₁, 284). Иными словами, смена жанра была вызвана редакционной необходимостью, ради которой *можно было* пожертвовать «Дневником писателя». Кстати, такой возможности не было бы, если бы «Дневник» был автономным «журналом в журнале».

Характер журналистской деятельности Достоевского в «Гражданине» как редактора и как автора указывает на то, что «Дневник писателя» был рубрикой, предназначенной специально для этого еженедельника. Это не отрицает того, что, работая над ним, Достоевский использовал некоторые идеи, которые приходили ему в голову в связи с замыслами 1860-х гг. (иначе и быть не могло, если вспомнить, в какие сроки приходилось действовать Достоевскому). Тем более это не противоречит тому, что удачный опыт «Дневника» 1873 г. нашел развитие в «Дневнике писателя» 1876—1877 гг., как нашел развитие в нем опыт работы Достоевского в рубрике «Иностранные события».

В «Дневнике писателя» 1873 г. были опробованы многие жанровые формы, которые потом стали строительным материалом для «Дневника писателя» 1876—1877 гг. Тем не менее «Дневник писателя» 1873 г., будучи своеобразным полигоном для отработки всевозможных публицистических приемов и опробования отдельных идей, все-таки не был реализацией того замысла, о котором писал в 60-е гг. Достоевский. Он дал название этому замыслу («Дневник писателя»), но он не был его прообразом и, как мы пытались показать, в силу целого ряда обстоятельств *не мог* им стать.

⁸ Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 271.

«Дневник писателя» 1873 г. и «Дневник писателя» 1876—1877 гг. — произведения разной формы и разных задач, это два *различных* произведения, художественная и идеологическая природа которых значительно различается, так как определяется совершенно иными функциями текстов.

Кстати, правомерно ли говорить о «Дневнике писателя» 1876—1877 гг. или нужно разделить его на два текста — 1876 и 1877 гг.? О концептуальной целостности этого замечательного произведения существует обширная научная литература. Но есть и внетекстовые факты, подтверждающие изначальное единство «Дневника писателя» 1876—1877 гг. Так, в известном письме Алчевской от 9 апреля 1876 г. Достоевский сообщает: «Верите ли Вы, например, тому, что я еще не успел уяснить себе форму „Дневника“, да и не знаю, налажу ли это когда-нибудь, так что „Дневник“ хоть и два года, например, будет продолжаться, а все будет вещью неудавшеюся» (29, 78). Не будем сейчас комментировать общий тон высказывания, обратим внимание на точность указанного срока издания «Дневника» и на то, что объявлено это фактически еще в самом начале осуществления проекта. Эти два года, намеченные для себя Достоевским, позволили ему контролировать развитие идеологического сюжета «Дневника писателя», так что к декабрю 1877 г. все линии были проведены, все узлы и противоречия обозначены.

В финальном обращении «К читателям» Достоевский сообщает: «На многочисленные вопросы моих подписчиков и читателей о том: не могу ли я хоть время от времени выпускать №№ „Дневника“ в будущем 1878 году, не стесняя себя ежемесячным сроком, спешу отвечать, что, по многим причинам, это мне невозможно. Может быть, решусь выдать один выпуск и еще раз поговорить с моими читателями» (26, 126). Думается, одной из причин, по которой Достоевский не желал выпускать «Дневник писателя» не систематически, а «по возможности», было нежелание превращать «Дневник» в некий публицистический альманах «по случаю», — это был пройденный этап.

А вот выпуск одного «Дневника» совсем не противоречил общей структуре: его всегда можно было присоединить в качестве эпилога или постскриптума, в зависимости от характера обстоятельств, которые могли бы вызвать его появление. Этот эпилог или постскриптум Достоевский как бы зарезервировал за собой, ожидая от будущего новых, «пророческих» событий: «Время теперь славное, но тяжелое и роковое. Как много висит на волоске именно в настоящую минуту, и как-то заговорим обо всем этом через год!» — такова буквально последняя фраза «Дневника писателя» 1876—1877 гг. (26, 128).

И такое «пророческое» событие произошло. Им стало открытие памятника Пушкину в Москве в 1880 г. и речь, произнесенная Достоевским на торжествах, приуроченных к открытию. «Речь моя о Пушкине и о значении его, — начинается августовский 1880 г. выпуск «Дневника писателя» Достоевский, — помещаемая ниже и составляющая основу содержания настоящего выпуска „Дневника писателя“ (единственного выпуска за 1880 год), была произнесена 8 июня сего года в торжественном заседании Общества любителей российской словесности, при многочисленной публике, и произвела значительное впечатление. Иван

Сергеевич Аксаков, сказавший тут же о себе, что его считают все как бы предводителем славянофилов, заявил с кафедры, что моя речь „составляет событие”» (26, 129). Разъяснению этого определения Аксакова посвящает писатель целое предисловие, выделяя его в специальную (первую) главу «Дневника писателя».

Заканчивая в 1877 г. «Дневник» на взволнованной ноте, Достоевский прежде всего думал о событиях на Балканах и тех последствиях, которые они повлекут за собой в России и в Европе. Такая ориентация на исторические события предполагала, конечно же, не эпилог, а постскриптум, дополнение, уточнение. Но восточный вопрос не разрешался так, как представлялось в 1877 г. писателю, и постскриптума не последовало ни в 1878, ни в 1879, ни в 1880 гг. Пушкинские торжества в Москве были событием иного масштаба — это было событие не историческое, это было событие эпохальное,⁹ и не только потому, что оно подготовлялось чуть ли не двадцать лет, но в первую очередь по своему содержанию. Оно стало определенным подведением итогов культурной и духовной работы целого поколения русских общественных деятелей. Не случайно среди его участников практически не было представителей новой волны отечественной интеллигенции: в те дни у памятника Пушкину шел смотр сил «шестидесятников», людей, в детстве бывших современниками Пушкина, вступивших на поприще духовного просвещения при Белинском и Гоголе и определявших интеллектуальный климат России в пореформенную эпоху. Чуткий к «знамениям времени» Достоевский, безусловно, уловил эту особенность, услышал заключительные аккорды симфонии длиною в жизнь. Эпилог напрашивался сам собою.

Можно по-разному интерпретировать содержание Пушкинской речи Достоевского: и как пророчество, и как духовное завещание, но в аспекте, представляющем интерес для нашей темы, именно — о соотношении четырех текстов «Дневника писателя», августовский выпуск 1880 г. прочитывается как *незапланированный эпилог* к «Дневнику писателя» 1876—1877 гг., в котором, по словам Достоевского, «высказываюсь окончательно и непокровенно, вещи называю своими именами» (30₁, 204). Но это уже была и заявка на будущее. В письме к К. П. Победоносцеву от 25 июля 1880 г., из которого взята вышеприведенная цитата, Достоевский пишет: «С будущего года намереваюсь „Дневник писателя” возобновить и теперь являюсь тем, каким хочу быть в возобновляемом „Дневнике”» (Там же).

Августовский 1880 г. «Дневник писателя» фактически состоит из двух частей: собственно Пушкинской речи и предисловия (глава I) с послесловием (глава III), написанными после произнесения речи уже специально для «Дневника писателя». Пушкинская речь написана в духе и стиле «Дневника» 1876—1877 гг. с той же целью — выявить, «в чем наша общность, где те пункты, в которых мы могли бы все, разных направлений, сойтись» (1876) или дать «формулу, слово примиритель-

⁹ В письме к С. А. Толстой от 13 июня 1880 г. Достоевский выразился еще звучнее «...в конце речи дал формулу, слово примирения для всех наших партий и указал исход к новой эре» (30₁, 188 Курсив мой. — П. Ф.).

ное для всех наших партий» (1880). Предисловие и особенно глава III (условно говоря, послесловие) — это совсем иной звук: «это не ответ критикам, а мое profession de foi на все будущее (...). Думаю, что на меня подымут все камни» (Там же). И потому вернее было бы сказать, что «Дневник писателя» 1880 г. — это *эпилог* к 1876—1877 гг. и *пролог* к 1881—1882 гг.

К сожалению, издание 1881—1882 гг. не осуществилось. Как известно, Достоевский успел написать и подготовить к печати только первый выпуск возобновленного на ежемесячной основе «Дневника писателя». По этому единственному номеру очень трудно судить, что получилось бы в конце концов. Легко обмануться, так как и для издания 1876—1877 гг. любой отдельно взятый выпуск не показателен как характеристика всей книги Достоевского. Те заявления писателя, которые мы находим в письме к Победоносцеву от 25 июля 1880 г. (см. выше), в определенной степени могут служить указанием в этом вопросе, но нет никакой гарантии, что слова, сказанные в пылу полемики, не подверглись бы корректировке и остались в силе спустя полгода. А дело, скорее всего, обстояло именно так. Вот что пишет Достоевский 4 ноября 1880 г. И. С. Аксакову: «Вам дружески признаюсь, что, предпринимая с будущего года „Дневник“ (...) часто и многократно на коленях молился уже Богу, чтоб дал мне сердце чистое, слово чистое, безгрешное, нераздражительное, независтливое. Смеясь уже, скажу: решаю иногда совсем не читать ни нападок, ни возражений в журналах» (30₁, 227). По-видимому, стремление продолжить курс «Дневника» 1876—1877 гг. на примирение и общее единение, при спокойном размышлении, представлялось писателю более важным, нежели возможность разить витийственным словом идеологических противников.

Эта некоторая смятенность, внутренняя борьба, с одной стороны, и уже отработанная, заданная форма «Дневника писателя» как ежемесячника — с другой, позволяют предположить, что в 1881—1882 гг. читателям предстояло иметь дело не с «сочинением», как рекомендовал свое произведение в 1876 г. Достоевский, начиная «Дневник», а с журналом («моножурналом») или «фельетоном за месяц», опять же по давнему выражению писателя. Если в 1876—1877 гг. необходимо было сформулировать и изложить программу, то к 1881 г. она уже была, и оставалось лишь осуществлять ее, опираясь на новые факты, продолжать ее активно пропагандировать. Это обстоятельство, на наш взгляд, очень существенно, так как наличие программы вносит серьезные изменения в структуру авторского сознания и, соответственно, оказывает влияние на весь строй произведения. Впрочем, все это лишь гипотетические построения, основанные на расчете, жизнь же всегда непредсказуема: не забудем, что Достоевский не дожил всего только одного месяца до убийства Александра II. Одно это событие могло перевернуть весь мир «Дневника писателя», если не разрушить его напрочь.